мого себя и от света». 16 Этот аскетический идеал христианина, смиренного, кроткого, терпеливого, отрекающегося от света и от самого себя, был вполне приемлем для Екатерины, которая говорила об образцовом послушании и страхе божием как основных

чертах русского национального характера.

Таким образом, слабость идейной позиции Новикова заключалась в том, что, ставя знак равенства между нравственностью и религией, он неизбежно приходил к противоречию с самим собой: вместе с призывами к общественной, коллективной борьбе со злом, с Екатериной, с развращенностью государственного аппарата, с невежеством и грубостью всех слоев общества он утверждал прямо противоположное, утверждал отказ от этой борьбы во имя смирения и терпения.

На иять лет более молодой, чем он, Радищев преодолел это

противоречие; он понял, что

Власть царска веру охраняет, Власть царску вера утверждает, Союзно общество гнетут; Одно сковать рассудок тщится, Другое волю стерть стремится; На пользу общую, — рекут.¹⁷

И, поняв это, Радищев стал революционером.

Мы не станем повторять обычную формулу «классовая ограниченность помешала Новикову преодолеть противоречия его мировоззрения». Не станем повторять эту формулу, потому что не убеждены в ее спасительности и правильности. Если Радищев преодолел противоречия своего классового мировоззрения, то, очевидно, классовая ограниченность ему не помешала и, значит, она не всесильна и не фатальна. Очевидно, дело заключается не в ней. И если Радищев мог стать революционером и стал им, а Новиков был просветителем и мог стать революционером, но не стал им, то, по-видимому, причина лежала в них самих, в их личном идейном развитии.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему, как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, именно — часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения». 18

¹⁶ Там же.

¹⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. І. М.—Л., 1938, с. 4. ¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. М., 1955, с. 433—434.